

И.Р. КУПЕР

ГИПЕРТЕКСТ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ

Базовая концептуальная модель коммуникации состоит из пяти элементов: «кто говорит, что, по какому каналу, кому, с каким эффектом». Данная модель предполагает, что значение сообщения фиксировано в самом сообщении и передается без искажений [1]. Возникновение новых значений считается шумом, вызванным какими-либо помехами. Влияние информационной теории Шеннона предопределило "количественный" характер методов изучения и описания процессов коммуникации. Сообщение несет в себе некоторое количество информации, которое можно измерить. Источник и получатель информации рассматриваются как простые объекты, без учета их организации и структуры. Информация передается от источника к получателю через различные каналы, при этом оцениваются такие параметры как влияние канала на способы и характер передачи, состояние получателя до и после получения сообщения, наличие обратной связи и др. В результате детальной разработки каждого элемента коммуникации (источник, получатель, канал и сообщение рассматриваются как дифференцированные сложные объекты) происходит постепенное усложнение классической схемы коммуникации.

Теории коммуникации

В современных теориях коммуникации сообщение рассматривается как культурно-семиотический конструкт, позволяющий описывать многоуровневый процесс производства и трансляции смыслов. Общество при этом представляется самовоспроизводящейся структурой, носящей целостный характер в силу коммуникативных связей своих членов. "Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами" [2]. Написанные Сепиром в 30-е годы строки становятся отправным пунктом рассуждений в 80-х и 90-х годах.

Существенное влияние на формирование такого подхода оказал выдвинутый Витгенштейном тезис о множественности языковых игр [3]. Согласно этому тезису, языковая деятельность в различных ситуациях регламентируется различными правилами. Вступая во взаимодействие, участники коммуникации, пользуясь правилами "языковой игры" и фоновыми знаниями о мире, оперируют языком для достижения самых разнообразных целей. Таким образом, значение высказывания (сообщения) конституируется непосредственно в процессе речевого акта, а языковые игры тесно связаны с поведенческой стратегией индивидов.

Купер Инна Робертовна – аспирант Института социологии РАН. Адрес: Москва 117259, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Электронная почта: minne@online.ru

Для того чтобы различить речь как действие и действие как следствие речевого акта, Остин ввел понятие перформативного высказывания, обозначающего класс высказываний, для которых производство высказывания и есть осуществление действия [4]. Особенностью перформативов является способность конструировать реальность посредством высказывания. Это вовсе не означает, что реальность конструируется только с помощью слов, но, являясь неотъемлемой частью некоторого действия, слова приводят к определенному результату (заключение пари, передача по завещанию, объявление мужем и женой). Как отмечает Остин, одним из условий успешного функционирования такого рода высказываний является существование общепринятых конвенциональных процедур, приводящих к известному конвенциональному результату и включающих в себя произнесение "определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах" [4]. Более того, для выполнения такой процедуры необходимо, чтобы лица и обстоятельства были пригодны для ее выполнения, впоследствии поведение этих лиц должно соответствовать выполненной процедуре. Проведенный Остином анализ перформативных высказываний показывает тесную связь между языковой и внеязыковой деятельностью, поскольку, осуществляясь в языке, эти высказывания не поддаются описанию с помощью грамматических и синтаксических категорий (время, число, порядок слов, наклонение и др.) Этот класс высказываний в значительной степени регулируется экстралингвистическими конвенциями, установленными для тех или иных действий (ситуаций).

Исследуя различные ситуации производства речевых актов, Серль оперирует понятиями интенциональности и конвенциональности. Это означает, что говорящий стремится достигнуть некоторого результата, заставив слушающего опознать его намерения (интенции), но добиться этого можно только путем соблюдения определенных правил (конвенций), присущих любой группе высказываний [5]. К примеру, обещание как обязательство что-либо сделать подразумевает искреннее намерение совершить обещанное. Для слушающего и говорящего, помимо знания того, что означает данное предложение, необходимо знание того, как функционирует обещание с точки зрения взаимодействия (произнесение обещания подразумевает совершение действия в будущем; можно обещать сделать или не сделать что-то, но нельзя обещать то, что уже сделано; некорректно обещать то, чего не хочет адресат; не обещают действий, которые очевидны и др.)

Ю. Хабермас, включая положения теории речевых актов в социологическую теорию, говорит о теории коммуникативного действия как о теории общества, стремящейся выявить свои критические масштабы [6]. Коммуникация ориентирована на достижение, сохранение или обновление консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества. Коммуникация является неотъемлемой частью системы действий: лишь достигая понимания относительно ситуации действия, акторы могут адекватно действовать. Понимание представляет собой механизм координации действий, в значительной степени опирающийся на многоуровневую систему знаний. Стремясь к пониманию, актор прилагает интерпретационные усилия, выявляя смысл (смыслы) сообщения в контексте ситуации. Совокупность смыслов

структурируется в процессе культурного производства и составляет "жизненный мир" участников коммуникации, целостное имплицитное знание, представляющее собой множество культурных образцов толкования мира.

В современном обществе действие, ориентированное на понимание (коммуникативное действие), занимает господствующее положение, преобладая над действиями, ориентированными на достижение цели, следование нормам, преднамеренную экспрессию (телеологическое действие, действие, регулируемое нормами и драматическое действие в терминологии Ю. Хабермаса). Это означает, что социальные процессы (процессы интеграции, социализации, институциализации) с необходимостью протекают в проинтерпретированной культурно-коммуникативной сфере. Каждое действие индивида в обществе сопровождается сопоставлением возникающих смыслов и значений, уже зафиксированных в культуре. В соответствии с трактовкой действия через понимание Хабермас определяет понятия культуры, общества и личности. "Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, то есть позволяющие ему принимать участия в достижении понимания и тем самым утверждать свою идентичность" [6].

В отличие от Хабермаса, включившего коммуникацию в систему действий, Луман намеренно различает эти понятия и считает, что коммуникация является элементарной социальной операцией, конституирующей общество как систему [7]. Общество как самовоспроизводящаяся, аутопойэтическая система образуется и отграничивается от внешней среды путем отбора определенных способов действия. Отбор происходит в результате межсубъектного взаимодействия. Луман вводит понятие смысла как особой формы упорядочения человеческого существования. Смысл позволяет выявить горизонты, внутри которых возможна организация социальных систем. Коммуникация в данном случае понимается не как "перенос" информации, а как постоянно возникающая смысловая избыточность, которая может обратиться на любого участника, на индивидуальном и коллективном уровне.

Коммуникация представляет собой смысловое воссоздание общества. Семантическое структурирование социальной системы обеспечивает необходимую связность, а через нее и целостность общества. "Под социальной системой здесь должна пониматься смысловая связь социальных действий, которые соотносятся друг с другом и могут быть отграничены от среды, состоящей из не относящихся к ним действий" ([8]).

Итак, социальная связь устанавливается путем коммуникации. Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, едва появившись на свет, ребенок включается в производство текстов и соотнесение с другими. Первый текст, позиционирующий его в обществе – его собственное имя. Впоследствии перемещения субъекта и его социальная ориентация осуществляются относительно различных языковых игр. "Независимо от того, молодой человек или старый, мужчина или женщина, богатый или бедный, он всегда оказывается расположенным на

"узлах" линий коммуникаций, сколь бы малыми они ни были. Лучше сказать: помещенным в пунктах, через которые проходят сообщения различного характера. И даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, – будь то позиция отправителя, получателя или референта" [9].

В обществе, где информационное, или даже семантическое производство играет одну из главных ролей, текст как исходный материал и продукт производства приобретает статус универсального средства обмена. В процессе многоуровневой коммуникации текст институциализируется, приобретает свои собственные функции и структуру. Из набора знаков, несущих некоторую информацию и выполняющих вспомогательную функцию в других социальных структурах, текст превращается в самостоятельную социальную структуру. Эта структура формируется в процессе взаимодействия коммуникативных единиц разного порядка. Коммуникативные единицы высшего порядка (уровень высшей абстракции) представляют собой смысловые ступки, образующие "жизненный мир" индивида или коллектива и обеспечивающие понимание общей семиотики данной культуры. Это могут быть различные невербализованные ценностные ориентации, нормы поведения и схемы интерпретации, все то, что Дюркгейм называл коллективными представлениями [10].

Единицы низших порядков образуют иерархию семантических, синтаксических и грамматических средств. Семантические единицы представляют собой набор значений, тематизируемых в той или иной области, группирующихся в тематические комплексы и сочетания. Следуя далее по иерархии, мы обнаруживаем все более и более специфические значения, вплоть до значений слов и более мелких морфологических единиц. Абстрагируясь от лингвистического описания, текст можно рассматривать как социальную систему, в которой коммуникативные единицы низших порядков вступают во взаимодействие и образуют единицы высших порядков.

В условиях доминирования письменности тексты (текстовые смыслы) начинают функционировать как социальные объекты в обществе людей и в обществе знаков. Текст представляет собой специфическую социальность, в рамках которой формируются особые "институты", позволяющие регулировать функционирование текстов и обеспечивать системную обособленность данной области. К таким "институтам" можно отнести способы хранения и передачи текстов, способы оформления текста, способы членения текста, стилистические приемы и др. Все эти установления в сильной степени зависят от уровня иерархизации общества, наличия упорядочивающего центра и принципов обеспечения целостности общества. Чем упорядоченнее общество, чем прочнее социальные связи, тем устойчивее нормы и правила функционирования и организации текстов. Безусловно, текстовая социальность не может отождествляться с какими-либо другими социальными структурами и явлениями, тем не менее, она согласуется с состоянием общества и характером социальных связей.

Упорядоченность общества можно описать с точки зрения наличия/отсутствия некоего единого организующего центра [11]. Когда есть центр, вокруг которого организуется общество, оно может осознавать и вос-

производить себя как целое. При этом структуры самоописания общества совпадают с социальными структурами, создавая, словами Лумана, целостную бесконкурентную репрезентацию. Таковы, видимо, архаические общества, в которых миф о творении воспроизводится на всех уровнях общественной жизни, таким же образом можно охарактеризовать религиозные средневековые общества (целостность через религиозные догматы) и общество модерна (целостность через тотальную рационализацию).

Современное общество представляет собой функционально дифференцированное общество, базирующееся на различии автономных функциональных подсистем (таких как хозяйство, политика, воспитание, религия, искусство и др.). Такое общество невозможно рассматривать как упорядоченную целостность, поскольку нет единого центра или верхушки, откуда можно было бы увидеть общество как целое. Различия между функциональными подсистемами, между индивидом и коллективом, между прошлым и будущим уничтожают принцип структурного единства, выводя на передний план коммуникацию. Каждая подсистема коммуницирует внутри себя, вовне и о себе. В таком обществе каждая социальная подсистема вырабатывает собственные репрезентации, претендующие на целостность и всеобщность. Образуется, если можно так выразиться, полисемантическая асимметрия, нарушающая целостность всего общества. Распад целостности приводит к ослаблению устойчивых коммуникативных связей, к перебоям в функционировании текстовых "институтов". Устойчивые текстовые структуры приходят в движение, образуются новые связи, новые сферы коммуникации. Смысловая избыточность как естественное и необходимое следствие коммуникации множится и становится чрезмерной. Чрезмерная смысловая избыточность, в основе которой лежит расширенное текстовое производство, размывает правила создания и функционирования смыслов. В результате текстовая (семиотическая) деятельность распадается на множество "семиотических игр" с множеством изменчивых правил. Коммуникация перестает быть серией последовательных актов, она переходит в состояние одновременности. Это означает, что участники коммуникации одновременно находятся в нескольких коммуникативных сферах, связанных или не связанных между собой. В значительной степени этому способствует развитие средств коммуникации. С одной стороны, бумажные и электронные технологии обеспечивают необходимый объем "памяти", сохраняющий произведенные смыслы и позволяющий продолжать и наращивать коммуникацию. С другой – устанавливаются все новые и новые социальные связи, поскольку увеличивается число способов включения в коммуникацию. Каждое новое средство, будь то письмо, телеграф, телефон, электронные сети, не только трансформирует характер сообщений, но и порождает новые смысловые конфигурации, новые сообщения. Человек включается в сети коммуникативных отношений, он использует накопленный культурный опыт и все имеющиеся способы коммуникации для производства и понимания сообщений.

Тексты, циркулирующие в различных сферах коммуникации, подчиняются центробежным тенденциям и стремятся к распаду. Распад происходит на уровне единичного текста и на уровне межтекстовых связей. Текст перестает быть автономным образованием, он строится из предыдущих текстов в

процессе постоянной переработки и реинтерпретации. Подобно тому, как социум опирается на коммуникативную связь, текст строится как множество, пучок интертекстуальных связей. Он распадается на фрагменты, на отдельные коммуникативные элементы, связанные между собой. Характер текстуальной связи, идентичный характеру социальной связи, становится неустойчивым. Смысловые составляющие текста относительно автономны и связаны нежесткими связями, позволяющими осуществить коммуникацию в разных направлениях.

В силу того, что сеть коммуникаций постоянно разрастается, увеличивается количество связей. Различные коммуникативные системы (политика, повседневное общение, наука, религия, искусство) производят и передают по каналам связи свои тексты, которые, пересекаясь и реинтерпретируясь, порождают новые тексты. Тексты переплетаются между собой, "растекаются". Понимание единичного текста уже невозможно без привлечения других текстов. В отсутствие единого упорядочивающего центра совокупный текст общества образует хаотичные, сетевые структуры. Выражаясь словами Моля, современная культурная таблица образует мозаику, а не иерархию [12]. Мозаичная культура требует новых форм коммуникации, новых способов обращения с текстом. Текст должен как бы выйти за свои собственные пределы, рассыпаться и собраться вновь. Текст становится гипертекстом.

Концепция гипертекста

Гипертекст представляет собой крайне расплывчатую и вместе с тем широко используемую концепцию. Гипертекстом называют Интернет, энциклопедию, справочник, книгу с содержанием и предметным указателем, а также любой текст, в котором обнаруживаются какие-либо ссылки (указания) на другие фрагменты. Гипертекст как новая текстуальная парадигма может рассматриваться как способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные, одновременные потоки информации, которые не могут быть восприняты и усвоены субъектом. Усвоение всей суммы знаний становится невозможным, более того, жесткое структурирование такого знания становится труднодостижимой задачей. Знание организуется в гипертекст, в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания.

В условиях множественных и дополнительных друг другу форм знания субъект нуждается во вспомогательных средствах редукции чрезмерной смысловой избыточности. Помимо гибкой структуры текста, необходима "текстовая машина", позволяющая хранить большие объемы информации и управлять ими, а также облегчающая процесс производства текстов. Именно поэтому гипертекст как способ коммуникации и организации знания включает в себя само знание (текст), компьютер и программное обеспечение. Это значительно усложняет описание гипертекста, он ускользает и не поддается определению.

Первая попытка сконструировать, точнее, описать "гипертекстовую машину" была предпринята в 1945 году [13]. Рассматривая историю развития счетных машин, начиная с Лейбница и Бэббиджа, В. Буш предложил проект электронно-механического устройства, названного "memex" (от английского

MEMory EXtension), которое должно дать человеку инструмент для усиления мыслительных способностей. Memex позволяет человеку определенным способом организовать свои записи, статьи, книги. С помощью механических средств (рычагов, кнопок и т.п.) тексты, записанные на микрофильмы, могут быть связаны между собой так, что переход от одного к другому осуществляется непосредственно, даже если физически они расположены далеко друг от друга. При чтении таким способом возможны пропуски страниц, возврат назад или просмотр каждых десяти страниц. Одновременно на экран могут вызываться несколько микрофильмов. Дополнительно к существующим материалам могут записываться новые – статьи, заметки, а также комментарии, ссылки и т.п.

Тексты (рисунки, таблицы), связанные между собой, оставляют "след", тропинку (trail) для чтения. Текст приобретает разветвленную структуру:

Рис. 1. Организация материала в Memex

Стрелки, выделенные жирным шрифтом, показывают возможную тропу. Если начинать чтение с фрагмента, отмеченного звездочкой, то из следующего текста, как видим, выходят две стрелки, появляется возможность чтения в двух последовательностях.

Разработки В. Буша поначалу не получили большого распространения, однако в начале шестидесятых годов отдельные исследователи начинают развивать сходные идеи. В первую очередь, это Дуглас Энгельбарт, работавший над так называемым "проектом расширения возможностей ума" [14]. Компьютерная система, по мнению автора, должна облегчать работу по "мысленному структурированию" идей, то есть помогать создавать тексты. Уже созданные тексты хранятся в памяти компьютера и могут быть вызваны на экран по первому требованию. Человеческие возможности возрастают за счет эффективного использования накопленных знаний, хранящихся в компьютере. При этом образуется своеобразная «расширенная мастерская знаний» (augmented knowledge workshop), то есть электронное пространство, в котором осуществляется производство и воспроизводство знания, от поиска необходимых источников до публикации работ и обсуждения результатов (см., например, [15]).

Следующее слово в истории гипертекста сказал Теодор Нельсон – экстрарагантный программист, придумавший термин "гипертекст", и автор легендарного проекта "Ксанаду". Можно выделить два основных сквозных мотива, проходящих через многие публикации Т. Нельсона. Первый из них – литература (понимаемая в широком смысле как информация, предназначенная для сохранения) представляет собой непрерывную систему взаимосвязанных произведений, и это надо рассматривать не как определение, а как обнаруженную данность [16]. Второй – компьютер, который призван сделать

человека свободным, поэтому нужно разработать систему, максимально облегчающую работу с информацией [17]. Нельсон стремится реализовать идеи удачного, по его мнению, использования компьютера в виде всеобщей системы электронных публикаций и архива. А в основе подобной системы должно лежать понятие гипертекста. На нынешнем этапе самая общая трактовка гипертекста опирается на World Wide Web, часть Интернета, в основу которой положен гипертекстовый протокол http (HyperText Transport Protocol). Существуют электронные тексты или фрагменты текстов, в которых выделяются определенные области, будь то слова, фразы или предложения, и соединяются с другими текстами. Нажатием кнопки мыши активизируется связь и осуществляется переход от одного текста к другому.

"Ксанаду", в отличие от WWW, подразумевает не только просмотр текстов, но и активную работу с ними, комментирование, редактирование и т.д. Обеспечивается это за счет понятия виртуального документа. Физически созданный автором текст хранится в одном месте и принадлежит ему на основе авторских прав. Этот же документ, в случае, если он объявлен публичным, то есть доступным для всеобщей работы, распространяется в виде копий, появляющихся на экране пользователя. Данные копии не являются реальными физическими документами, это своеобразные представления одного и того же документа. Таким образом, изменения вносятся в копию и больше напоминают работу с текстом в традиционном виде, когда невозможно переписать текст заново, но можно делать пометки (пометки на полях, рисунки, комментарии, а также пометки на отдельном листке бумаги).

В то время как в основу Паутины положено понятие ссылки, ядром "ксаналогической" структуры является "трансклучение" (transclusion), то есть возможность неоднократного включения одного и того же текста в другие. Предположим, необходимо процитировать чужую работу, не переписывая цитату в свой текст. В WWW для этого устанавливается связь исходного текста А с цитируемой работой Б. В документе А, расположенном на экране компьютера, активизируется связь (щелчком мыши) и появляется документ Б. Документ А при этом исчезает с экрана и открыть его можно, только возвратившись назад, по указанному адресу (второе окно, в котором можно было бы открыть документ Б, никак не связано с первым и представляет просто отдельный документ в другой программе). Механизм трансклучения позволяет вставить виртуальную копию цитаты документа Б в документ А, и это будет выглядеть как единый документ.

Другим отличием "Ксанаду" является расширенная интерпретация понятия "ссылки", или "связи" (link). Как уже отмечалось, ссылка в WWW позволяет открыть новый документ (или запустить фильм, программу, аудиозапись) и ничего больше. Нельсон рассматривает ссылку наряду с трансклучением как важнейший инструмент для работы с текстом. "Ксанаду" призвана стать естественной средой создания и обработки текстов как в многопользовательском (сетевом), так и в однопользовательском (частном) режиме, поэтому она должна сочетать в себе возможности текстового процессора и программы просмотра (браузера), быть гибче и эффективнее.

Почему же не подходят существующие варианты программного обеспечения? Вот что пишет по этому поводу Т. Нельсон: "Так называемые "осно-

вы компьютера" или "компьютерная грамотность" открывают новичкам мир, в котором нет ничего, кроме ненужных осложнений. Практически все должно быть вложено в жесткие и бессмысленные иерархические структуры,.. часто представляющиеся пользователю слишком жесткими и абсолютно неподходящими. Файлы, в которых мы все храним на компьютере, существуют по отдельности, без учета отношений между ними и истории создания" [16]. И так, файловая структура является неестественной. Каждый текст сохраняется в файле, который никак не связан со всеми остальными. Если при написании текста существует необходимость отдельно хранить фрагменты (допустим относящиеся к разным главам), между которыми существуют какие-то связи, то при файловой системе это можно сделать только с помощью прямого указания "см. файл Б", в котором придется делать отметку "здесь вернуться к файлу А" и т.п. Получается, что компьютер только усложняет жизнь, навязывая свою модель организации данных. Поэтому, как говорит Т. Нельсон, необходимо добиться простоты. Это означает, что компьютер должен стать простым и гибким персональным средством для работы с информацией. Программное обеспечение должно отражать те структуры, которые необходимы пользователю, а не навязывать свои способы организации данных. Поскольку структуры могут быть произвольными, концепция гипертекста идеально подходит для трансформации разрозненных файлов во взаимосвязанную совокупность. Кроме того, все накопленное человечеством знание должно стать доступным на экранах компьютеров, и, добавим, хранится в "Ксанаду".

Вернемся к ссылке. Отправным пунктом в понимании того, какими должны быть ссылки, является понятие "версии". Любой текст в процессе создания претерпевает многочисленные изменения. В рукописных черновиках все варианты сохраняются, даже будучи вычеркнутыми. В текстовом редакторе обычно предыдущий вариант, скажем, предложения, стирается, и вместо него печатается новый¹. Можно, конечно, сохранять различные версии в отдельных файлах, но это, как говорит Нельсон, неудобно, противостоит и неэкономично.

Механизм поддержки различных версий в "Ксанаду" предельно прост. Существует первоначальный файл, размещенный где-то на диске. Изменения, вносимые в него, сохраняются в виде отдельных фрагментов с указателями положения в первоначальном тексте. Затем эти фрагменты связываются с текстом либо с помощью ссылок, либо с помощью трансвключения.

Еще одним важным преимуществом "Ксанаду" является возможность поиска ссылок. Так, сформулировав запрос, можно отыскать подмножество документов с определенными ссылками, все входящие или выходящие ссылки некоторого документа, ссылки заданного типа и т.д. В Интернете такой возможности не существует².

¹ Следует отметить, что современные текстовые процессоры типа MS Word97, претерпели существенные изменения под влиянием гипертекстовой парадигмы, предоставляя возможность сохранения версий, вставки гиперссылок и т.д.

² Интернет развивается настолько стремительно, что возможно, нечто подобное уже где-то появилось.

Считается, что авторы Всемирной паутины не были знакомы с идеями "Ксанаду"³, хотя им была известна система HyperCards, использующая понятие ссылки [18]. Поэтому неудивительно, что WWW и Ксанаду представляют два различных подхода к организации и управлению данными. Парадокс заключается в том, что система Теда Нельсона, долгие годы создаваемая и существующая в виде программного обеспечения, не получила широкого распространения, а сама идея, гипертекст, эксплуатируется очень широко. Вполне возможно, что это обуславливается широтой взглядов автора и особенностями его письма. Книга "Литературные машины" представляет собой одновременно утопию и манифест. Описание иных, лучших способов обращения с текстом сопровождается размышлениями о свободе и плюрализме в литературе. Нельсон работает, по сути, в фокусе двух идей – упрощения жизни человечества и обеспечения условий для изобилия идей, текстов и изображений. Наряду с размышлениями о будущем, автор книги четко определяет проблемы и возможные пути их решения. Подробное описание проекта "Ксанаду", воплощенной мечты, не выглядит утопическим: все продумывается до мелочей, описывается реальная работа по созданию программного обеспечения. Но не будем забывать, что "Ксанаду" – это несуществующая страна из поэмы Сэмюэла Кольриджа "Кубла Хан, или видение во сне" [19], страна, где Кубла Хан выстроил роскошный дворец. "Ксанаду", по выражению Нельсона, превосходное имя для волшебного места обитания литературы. В этом волшебном месте будут существовать литература и гипертекст.

В 1980-е годы создается множество коммерческих гипертекстовых систем [20]. Приблизительно в это же время происходит сдвиг в идеологии вычислительной техники (персональный компьютер) и активное развитие сетевых технологий. Общеизвестно, что прабабушкой Интернета была экспериментальная сеть ARPAnet, предназначенная для военных целей (необходимо было найти средства передачи данных в условиях частично разрушенных сетей). Настоящий прорыв произошел где-то в 1983 году, когда возникла потребность вместо подключения к одному большому компьютеру создавать разные локальные сети и объединять их [21]. Повсеместно стали создаваться частные сети, объединявшиеся при помощи одинаковых коммуникационных протоколов.

Развитие аппаратного обеспечения требовало новых программных средств. Вдохновленные идеями своих предшественников, исследователи 80-х стремились воплотить их на практике, использовать гипертекст для конкретных задач. Примечательно, что примерно в это же время, в конце 70-х годов, в России группа исследователей под руководством М.М. Субботина также занималась вопросами организации электронных текстов. Метод логико-смыслового моделирования является как бы особой версией гипертекстовой технологии [22, 23, 24]. Авторы этого метода утверждают, что помимо чтения гипертекста, существует еще одна качественно новая форма интел-

³ Роберт Кайо, один из авторов, еще раз подтвердил это во время заключительной речи на конференции Hypertext'99.

лектуальной деятельности – «создание линейного текста путем линеаризации нелинейного» [25].

Умножение количества знаний и текстов порождает сложные нелинейные структуры, которые, по мнению авторов, должны быть "выпрямлены" в соответствии с логическими нормами теоретического мышления. Основной идеей является использование критерия семантической близости для связывания фрагментов текстов и построения осмысленного текста [26]. Данный текст будет своеобразной разверткой во времени и в пространстве (по выверенным формальным критериям), то есть выстраиванием линейного последовательного текста. Логико-смысловой гипертекст строится главным образом для анализа системы связанных текстов, а не для их просмотра. Поэтому для его построения необходимо выполнение следующих условий. Тексты, помещенные в узлы, должны представлять собой назывные безглагольные выражения или высказывания, соответствующие полным фразам (суждениям) и носить моносмысловой характер. Основным критерием для связывания узлов является возможность соединить высказывания посредством логической связки («есть», «является условием», «является причиной» и так далее). Установленная между простыми высказываниями связь подтверждает истинность составного высказывания. Дополнительным и необходимым условием при построении связного текста является принцип полноты: все узлы, которые могут быть связаны по принимаемым критериям, должны быть соединены связями. Как мы видим, гипертексты такого рода представляют собой нечто иное, как автоматически построенный текст, который должен соответствовать традиционному пониманию текста как совокупности грамматически правильных высказываний (с учетом семантических критериев). В настоящее время данный подход трансформировался в разработку так называемых интеллектуальных технологий – структурных аналитических технологий (САТ). Эти технологии, по словам авторов, развивались на стыке нескольких направлений: семантические сети, гипертекст, лингвистические процессоры и по "стилю общения с информацией САТ наиболее близки к гипертексту" [27]. Однако, по мнению разработчиков, в САТ используются принципиально новые идеи, позволяющие существенно расширить возможности гипертекста. Новые идеи представляют собой модифицированный и адаптированный к современным условиям метод логико-смыслового моделирования.

Определение гипертекста

Британская энциклопедия [28] упоминает о гипертексте в разделе «информатика» (information science), при обсуждении методов семантического представления информации. Гипертекст определяется как метод, при котором документы объединяются посредством «связей» в сеть. Условием объединения может служить сходство идей, выводов, одинаковое расположение частей и так далее. В энциклопедии языкознания [29] гипертексту посвящена целая статья, смысл которой приблизительно соответствует смыслу статьи в британской энциклопедии с тем добавлением, что гипертекст – это структурированный текст.

В толковом словаре по информатике [30] гипертекст трактуется как информационный массив, на котором заданы и автоматически поддерживаются ассоциативные и смысловые связи между выделенными элементами, понятиями, терминами или разделами; наряду с этим приводится дополнительное пояснение, что гипертекст – это текст, в котором отдельные термины на экране дисплея выделены подсветкой и их определение сразу может быть выдано на экран.

Приведем еще несколько определений:

1. Гипертекст – это соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания, и технической среды, технических средств, дающих возможность человеку осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами [31].

2. Механизм, заключающийся в возможности связать отрывки текста, переходить от одного к другому, называется гипертекстом, или нелинейным текстом [20].

3. а) "надтекст" – некая единица информации, частями которой являются тексты, и/или б) текст, части которого имеют "сверхсвязи", то есть соединены друг с другом не линейным отношением в одномерном пространстве (отношением следования как в обычном тексте естественного языка), а множеством различных отношений, представляемых в многомерном пространстве. В гипертексте отсутствуют заранее заданные ограничения на характер связей (сеть) [32].

4. "Гипертекст позволяет связывать текст, аудио, фотографии, чертежи, карты, движущиеся картинки и другие формы информации в осмысленное целое, к которому может осуществляться доступ при помощи системы индексации, ориентированной на конкретные идеи, а не на конкретные слова в тексте" [33].

5. "Гипертекст можно определить как *нелинейную* документацию, документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию, *в последовательности, которую он сам выбирает*" [33].

Как видно из приведенных определений, под гипертекстом может пониматься: а) метод объединения документов; б) текст, организованный по-особому; в) механизм, позволяющий эти тексты организовать; г) форма организации материала; д) средство организации текстов; е) документация, которая ветвится.

Плюс к этому, существует упрощенная трактовка, приведенная нами выше, опирающаяся на Всемирную паутину. Несмотря на такие разночтения, всем участникам коммуникации понятно, о чем идет речь. Если выделить наиболее существенные черты, то подразумеваемые характеристики таковы: а) мы имеем дело с текстами, организованными некоторым способом, который отличается от существующих, так называемых традиционных; б) в большинстве случаев имеются в виду электронные тексты; в) важную роль в этой организации играют "связи" между текстами, устанавливающиеся произвольно; д) связанные тексты рассматриваются как единое целое, большее, чем текст, то есть *гипер-текст*; е) тем не менее, в разных случаях трактовка

гипертекста может приобретать различные оттенки и рассматриваться как метод, средство, форма и т.д.

Нельсон пишет, что под гипертекстом он понимает "просто не-последовательное письмо (writing), текст, который разветвляется" и представляет читателю выбор [16]. Налицо некоторое несоответствие. Гипертекст понимается одновременно и как процесс и как результат, ведь письмо – это процесс, а текст в традиционном понимании – все-таки результат. Подобный дуализм размывает границы определения, создавая благоприятные условия для различных толкований. Если сначала кажется, что гипертекст – это нечто специфическое, затем оказывается, что он повсюду. Строя свое объяснение на использовании компьютера в работе с текстом, Нельсон впоследствии заявляет, что компьютер вовсе необязателен для гипертекста.

В принципе, компьютер является частью современной технологии текстового производства, если же рассматривать гипертекст в исторической перспективе, то понятие не-последовательного письма нуждается в существенных уточнениях. Современный дискурс характеризуется отсутствием уверенности в референциальной силе языка. Язык не просто отражает (выражает) мысль, он способствует ее осуществлению, в некоторых случаях навязывая собственные правила. В этих условиях письмо как процесс записывания текста трудно представить себе последовательным, этот процесс сродни броуновскому движению. Для того чтобы получился связный текст, необходим набор специальных упорядочивающих процедур и стратегий. В отношении художественных текстов существует ряд убедительных свидетельств того, каким образом это происходит.

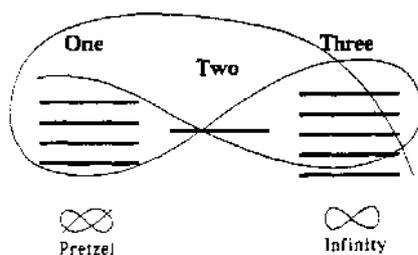
В.Б. Шкловский писал, что, начиная работать над книгой, он много читает, отбирая и перепечатывая целые куски. Эти куски развешиваются им на стенке и группируются, перевешиваются. Уже потом появляются соединительные переходы. В процессе работы план, а часто и тема, изменяются. "Смысл работы оказывается не предназначенным, и тут на развалинах будущей работы переживаешь то ощущение единства материала, ту возможность новой композиции, то алгебраическое стягивание материала подсознательным, которое называется вдохновением" [34]. Евгений Замятин в своей статье в том же сборнике приводит наброски повести "Островитяне": это отдельные заметки, эскизы, промежуточный вариант развязки. Вот как он описывает процесс письма: "Нарезаны четвертушки бумаги, очинен химический карандаш, приготовлены папиросы, я сажусь за стол. Я знаю только развязку, или только одну какую-то сцену, или только одно из действующих лиц, а мне нужно их пять, десять. И вот на первом листке обычно происходит инкарнация, воплощение нужных мне людей, делаются эскизы к их портретам..." [34]. В.В. Набоков говорит: «Я не начинаю роман непременно с начала. ... Я не двигаюсь покорно от одной страницы к другой по порядку; нет, я выбираю кусочек тут, кусочек там, пока не заполню на бумаге все пустоты. Вот почему я люблю писать рассказы и романы на справочных карточках, нумерую их позже, когда все уже кончено. Каждая карточка переписывается по многу раз» [35, с. 574]. Приблизительно то же самое происходит и с научным текстом, когда в процессе творчества "психическая ткань" идеи, теории, открытия перекодируются в письменный текст [36].

Получается, что не-последовательное письмо в результате может породить последовательный текст. Вероятно, в слове "writing" следует совместить два его значения: "писание, письмо" и "литературное произведение", то есть текст. Тогда процесс письма, понимаемого как записывание мыслей, отодвигается, а на первый план выдвигаются пункты развития мысли, повороты и переходы, которые неизбежно приходится как-то оформлять. Зафиксированные традиционным способом мысли не нужно выстраивать в единый, связный текст, достаточно показать связи между ними. Таким образом, результат становится идентичным процессу.

Интересно, что у Нельсона не встречается рассуждений о связи языка и мысли, точнее о неотделимости их друг от друга. Мысли сами по себе, язык, на котором они выражаются, сам по себе. Язык последователен, линейен, мысли же возникают спонтанно, насканивают друг на друга, переплетаются и образуют некоторую структуру. Задача пишущего, или писателя, уловить эту структуру и отобразить ее, а не выпрямлять в виде текста. Нельсон понимает письмо как репрезентацию структуры идей, это как бы визуализация той картины, которая существует у меня в мозгу. Такое письмо, по мнению автора, должно лучше отражать структуру того, что автор хочет сказать, а читатель, выбирая определенную последовательность, может следовать своим интересам.

Свою книгу "Литературные машины" Т. Нельсон также называет гипертекстом. В ней есть вступительная глава, несколько первых глав, одна вторая глава, несколько третьих глав. Автор предлагает читать их в следующем порядке: сначала прочитывается вступительная глава, затем любая из первых глав, затем вторая, затем любая из третьих. Если что-то остается непонятным, необходимо обратиться к другой первой главе, затем опять вторая, затем другая третья и так далее. Нельсон приводит даже возможные схемы чтения книги:

Рис. 2. Схема чтения книги "Литературные машины"

В книге существуют еще несколько четвертых и пятых глав, к которым можно обращаться в любой момент, так как они дают дополнительную информацию. Таким образом, чтение не требует строгой пространственной и временной последовательности, в принципе, можно начинать с любой главы. Книга представляет собой открытый текст, который воспринимается только в совмещении глав и фрагментов.

Все вышеизложенное касается вновь создаваемых текстов, но ведь есть еще Литература, множество текстов, так или иначе связанных между собой. Здесь понятие "writing" приобретает несколько другой оттенок, близкий к понятию "тропы" В. Буша. Различные связи, присутствующие в тексте и ведущие к другим текстам, будучи выявленными, становятся неотъемлемой частью текста. Они помогают "собирать" Литературу из разрозненных текстов.

Таким образом, еще одной важной характеристикой гипертекста становится экстерииоризация текстуальных связей. До тех пор, пока связи незримо присутствуют в произведении, это текст. Как только они отыскиваются и к данному произведению подсоединяются взаимосвязанные произведения так, что физически становится доступна вся совокупность, текст превращается в гипертекст. Иначе их различить невозможно и любой текст может быть назван гипертекстом.

Очевидно, что соединение текстов и мгновенный доступ к различным произведениям технически осуществимы только на компьютере, поэтому, несмотря на то, что иногда говорят о книжном гипертексте, в большинстве случаев гипертекст подразумевает электронную среду.

Вторая половина 80-х годов знаменуется активными поисками в области гипертекста и гипертекстовых систем. В широком потоке публикаций можно выделить два течения. Одно из них опирается на теорию и практику так называемой компьютерной науки⁴. Здесь речь идет не о тексте со всей его многозначностью и неопределенностью, а о документе, содержащем некую информацию.

Первоочередной задачей представителей данного течения является разработка программного обеспечения, позволяющего эту информацию организовать. Технологическая характеристика гипертекста как электронного документа, который в определенной компьютерной среде может быть связан с другими электронными документами, удовлетворяет потребности в определении.

Таким образом, в подобных исследованиях преобладает ориентация на решение проблем хранения документов, их связывания, навигации, а также вопросов доступа нескольких (многих) пользователей. В качестве стандартного примера, поясняющего, что такое гипертекст и гипертекстовая система, зачастую приводится энциклопедия. Совокупность знаний организуется в виде автономных фрагментов, связанных между собой с помощью ссылок. Энциклопедию не читают от начала до конца, а сразу находят нужный фрагмент. Программное обеспечение, позволяющее работать с энциклопедией на компьютере – вот, по сути, упрощенный вариант гипертекстовой системы.

Другое течение опирается на понятие текста и, как следствие, находит опору в гуманитарных науках, в частности, литературоведении, филологии, семиотике и др. Представителей этого течения объединяет научный интерес к различным текстовым практикам, будь то создание текста, редактирование, чтение или что-либо более изысканное.

Первоначально, оба течения существовали порознь, причем первое, "компьютерное" течение доминировало. В конце 80-х гуманитарные науки начинают все интенсивнее проникать в сферу электроники и вычислительной техники и уже в 90-х годах понимание гипертекста немислимо без привлечения всего многообразия толкований текста и текстовых практик. Гуманитарное течение 80-х годов отличается большой рассеянностью, расплывчатостью. Попытки обратиться к гипертексту с позиций теорий гуманитарных

⁴ Неудачный перевод термина computer science, но, к сожалению, адекватного термина в русском языке пока нет.

наук, а не методов и моделей программирования, больше напоминают размышления на заданную тему, нежели научные статьи. Исследователи пытаются нащупать и осмыслить пути продвижения от линейности к нелинейности, выяснить, меняются ли формы знаний с переходом в электронную эру и что нас в связи с этим ожидает. Во многих публикациях конца 80-х – начала 90-х годов, посвященных гипертексту, провозглашается наступление новой эры, эры принципиально новых средств работы с текстом. Идея гипертекста воспринимается как революционная и кажется, стоит дать писателю подходящее программное обеспечение, и он будет писать гораздо лучше.

Большинство исследований опирается на противопоставление печатных и электронных технологий, причем первые с завидным упорством объявлялись неудобными, искажающими писательскую и читательскую природу [37]. Устная, письменная и электронная коммуникация (Маклюэн) рассматриваются как этапы развития форм существования дискурса, последовательно сменяющие друг друга, в духе контовского закона трех стадий.

С. Харнад в статье "Пост-гутенбергова галактика: четвертая революция в средствах производства знания" вначале убедительно показывает, что история человеческой мысли пережила три революции и стоит на пороге четвертой [38]. Революционными были появление языка, изобретение письма и книгопечатания. Именно эти три трансформации определили формы коммуникации: речь позволяет передавать мысли в виде высказываний, письмо позволяет сохранять их независимо от сказавшего, печать позволяет сохранять их независимо от написавшего. Однако письмо и печать обладают рядом недостатков, таких как медленное распространение, ограниченность доступа к ним, недолговечность. Четвертая революция – возникновение электронных средств распространения информации – как раз могла бы помочь в преодолении некоторых ограничений существующих форм коммуникации. У Харнада даже появляется новое слово для обозначения процесса написания текста в Сети – "skywriting", что означает вычерчивание знаков в воздухе, на небе. В толковании автора это означает, что печатный текст "приземлен" и доступен немногим. Электронный же как бы на небе, его все могут увидеть сразу и мгновенно. Тексты прошлого и тексты настоящего существуют в единой среде и могут одновременно изучаться, тем самым обеспечивая непрерывность коллективного знания.

Вехой на пути развития увеличения доли "гуманитарных" исследований стала система Storyspace, впоследствии ставшая одной из основных коммерческих систем для создания и чтения гипертекстов [39]. Storyspace разработана для писателей в самом широком смысле этого слова. Под писателями (writers) понимаются люди, пишущие тексты, будь то научная статья, отчет о проделанной работе или роман. Как мы видим, сближение типов дискурса происходит как на уровне программного обеспечения, так и на уровне осмысления текста.

Основная идея заключается в предоставлении писателю своеобразного пространства для записывания мыслей (Storyspace можно перевести как "пространство, где существуют рассказы"). В сущности, это сочетание развитого текстового редактора и средств организации текстовых фрагментов. Фрагменты могут быть произвольной длины, они могут быть вложены один

в другой, соединены между собой и т.п. Storyspace располагает средствами организации и реорганизации текста, создания целостного и связного произведения из разрозненных отрывков, поэтому эта система используется как для написания обычных текстов (то есть как более гибкий и эффективный вариант MS Word), так и для создания гипертекстов. Еще одним важным отличием Storyspace является возможность сохранения созданных произведений в виде автономных программ. Гипертекст, который не может быть распечатан или опубликован без существенных потерь, распространяется на дискете с программой чтения, то есть представляет собой нечто вроде пластинки и проигрывателя.

Возникновение Storyspace весьма знаменательно, так как выражает одну из основных интенций гипертекстового сообщества: использование метафоры пространства. Дж. Лакофф и М. Джонсон в статье "Метафоры, которыми мы живем" отмечают, что большинство наших фундаментальных понятий организуются в терминах так называемых ориентационных метафор [40]. Ориентационные метафоры связаны с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа "вверх – вниз", "внутри – снаружи", "центральный – периферийный". Опыт восприятия физических объектов зачастую служит основой для осмысления понятий, выходящих за пределы простой ориентации. Представление таких понятий в виде предметов или веществ, позволяет объединять их в категории, определять их количество, словом, рассуждать о них.

"Проникновение" пространства в гипертекст обнаруживается уже в первых работах. Так, в концепции Д. Энгельбарта электронное текстовое пространство отражено в метафоре "мастерской" – помещения, куда складываются подвергнутые "мысленному структурированию" необходимые для производства знания "инструменты" (тексты). У Т. Нельсона совокупность всех текстов, документов, объединяемых в гипертекст, называется Докуверсумом, то есть документ + универсум. Основная идея этих попыток заключается в том, что порядок должен происходить из вещей, воплощенных в текст, а не привносится с помощью слов, на которых основываются различные классификационные схемы.

Гипертекстовая среда мыслится как пространство, в котором размещаются тексты, а также как инструмент, с помощью которого создается единичный текст. В единичном тексте элементы, предложения или абзацы, складываются в соответствии с некоей упорядочивающей схемой подобно тому, как из кирпичиков складывается дом, причем "кирпичики" могут быть из разных текстов (цитаты, ссылки, отрывки из прежних работ и пр.).

Постмодернизм, деконструктивизм и гипертекст

Попытки описания гипертекста с позиций гуманитарного знания наталкивались на одно существенное препятствие: отсутствие единой теории, которая могла бы послужить фундаментом для различных построений. Поиски философского обоснования гипертекстовых исследований приводят ученых к постмодернизму [41, 42, 43]. Не вдаваясь в споры о сущности постмодернизма, попробуем обрисовать ряд характерных черт, сближающих гипертекст и постмодернистский текст.

Постмодернизм как особое видение мира складывается в процессе критики позитивистского знания (и способов познания) и связывается, как правило, с именами Ж. Деррида, М. Фуко, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж.-Ф. Лиотара и др. Эти исследователи подвергают сомнению возможность рационального существования и рационалистических методов осмысления различных проявлений бытия. Рациональное постижение мира подразумевает возможность построения упорядоченной модели мира с помощью устоявшихся категорий языка. Упорядоченная модель мира представляет собой некую организованную центрированную структуру. Центр или фиксированное начало, лежащее в основе такой структуры, обеспечивает причинно-следственную определенность, создает иллюзию присутствия начала и конца. Центр неуловим, поэтому в разные времена ему присваиваются разные имена: Бог, человек, сознание, сущность, позволяющие зафиксировать структуру. Однако каждый раз новая категориальная система в определенный момент исчерпывала себя, требуя переосмысления и перекодировки.

В XX веке (Деррида видит в этом заслугу Ницше, Фрейда и Хайдеггера) происходит "событие", знаменующее собой кризис именования. Этот кризис представляет собой тот самый разрыв, о котором говорит Фуко и который у Деррида называется "децентрированием". Познающий субъект уже не может пользоваться единой устойчивой категориальной системой, доминирующей над мыслью и навязывающей стереотипы понимания и поведения. Для того, чтобы уловить ускользающее Бытие, требуется постоянное переименование, постоянный поиск новых имен и понятийных систем.

Итак, язык становится основной проблемой, человеку уже не удастся "овладеть" миром с помощью языка. Витгенштейновские языковые игры с их "центрированными" правилами уходят в прошлое. Каждый раз игра начинается заново, новые правила формулируются путем отрицания, "расшатывания" старых. В дискурсе реализуется бесконечный процесс означивания, интерпретации и реинтерпретации. Человек как действующий субъект может действовать исключительно путем этого означивания, вбирая в себя всевозможные знаки культуры и производя все новые знаки. Человек постмодерна есть средоточие различных текстов, сообщений, знаков, возникающих в процессе разнообразных языковых игр (Лиотар).

Говоря о постмодернизме, не следует забывать о том, что обоснованием его методов рассуждения является тезис о художественности, поэтичности всякого мышления. Философия и литературоведение для постмодернистов / постструктуралистов тесно связаны, их объединяет метафорическая природа языка [44]. Именно это дает основание рассматривать текст как ткань знаков, не имеющих одного-единственного смысла, переплетающихся и вплетающихся в общий контекст языка.

Дискурс современности есть дискурс сомнения, обуславливающийся невозможностью поиска конечного означаемого, и философская рефлексия весьма убедительно это показывает, опираясь скорее на метафору, нежели на аргумент. Такой дискурс можно схватывать только интуитивно, его не зафиксировать в понятии. Принципиальная невыразимость приводит к трансформации текста как основной категории современной культуры. Текст становится открытой системой, доступной множеству интерпретаций.

В результате такой трансформации читатель из потребителя превращается в производителя текста [45]. Он должен перестать быть пассивным, ощутить, наконец, прелесть процесса письма, означивания. Текст следует воспринимать как воплощенную множественность, представляющую собой галактику означающих, а не структуру означаемых.

Барт, различая текст-письмо и текст-чтение (классический текст), считает, что тексты – чтения тоже становятся умеренно множественными в результате "рассеивающей" практики. Чтобы показать это, Барт берет новеллу Бальзака "Сарразин" и подробно комментирует, показывая методику анализа означающих. Задача, пишет он, заключается в том, чтобы рассыпать текст, а не собрать воедино. Работая над текстом, следует выявлять смыслы, а не искать структуру. Для этого необходимо расчленив текст на единицы чтения, лексии. Деление произвольно, протяженность лексии зависит от плотности коннотаций: желательно, чтобы в лексии присутствовало не более 3-4 смысловых единиц. При этом перечитывание необходимо рассматривать как исходный принцип анализа. Никаких формальных критериев, позволяющих применять методику Барта, не обнаруживается, да они и не нужны, поскольку такой анализ представляет собой чистое творчество [45]. В другой работе, "Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По" [46], Барт говорит о том, что следует различать структурный анализ и текстовый анализ. К письменному тексту применяется исключительно последний: "Текстовый анализ не ставит себе целью *описание* структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста (структуризацию, которая меняется от читателя к читателю на протяжении Истории), проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс *означивания*" [46].

Постмодерн опирается на Текст, призывая читателя включиться в бесконечную игру "децентрации" и "рассеивания". Мир электронных текстов в данном случае ничем не отличается от мира печатных текстов, они сплетаются в единое целое, поскольку культура для постмодернистов представляет собой не просто множество текстов, а некую взаимопроникающую сумму дискурсов. "Ничего не существует вне текста", – повторяет Деррида [47].

Важной особенностью гипертекста, сближающей его с постмодернизмом, является так называемая "имманентность", срастание сознания со средствами коммуникации, способность мгновенно осваивать все новые и новые средства [48]. Постмодернистский дискурс стремится использовать любой материал для разрушения устойчивой связи означаемого и означающего. Главная цель – устранить единственное означаемое и обеспечить избыточность означающих. В результате, как отмечает О.Б. Вайнштейн, для человека постмодерна быстрое переключение кнопок телевизора, сменяющие друг друга картинки и есть "чтение".

Гипертекст рождается в попытках использовать компьютер в науке и литературе, в результате компьютер становится неотъемлемой частью сообщения. "The medium is the message", – говорил М. Маклюэн. Гипертекст переходит в Интернет в качестве общедоступного средства создания, хранения и передачи данных. Навигация в Интернете аналогична переключению кнопок пульта дистанционного управления, основной смысл "собирается" по-

добно мозаике из множества второстепенных смыслов, связанных воедино лишь благодаря единому месту и времени.

Можем ли мы говорить о том, что гипертекст представляет собой реализацию идей постмодернизма? Удается ли гипертексту осуществить децентрирование и избавиться от так называемого логоцентризма? На наш взгляд, этого нельзя утверждать. Гипертекстовые связи устанавливаются в явном виде, в то время как текстуальные связи, о которых говорит Деррида, отличаются своей принципиальной невыразимостью, они говорят о себе своим отсутствием. Уловить, схватить эти связи можно лишь с помощью таких тонких инструментов как "различение" (*differance*) или деконструкция, применение которых само по себе есть метаязыковая игра. С помощью такой игры можно разрушить любой текст, любой дискурс, тогда как экстерииоризованные гипертекстовые ссылки призваны не только разрушить, но и заново собрать (дать возможность читателю постоянно собирать) текст.

Заключение

Освоение гипертекста как способа коммуникации происходит в русле двух взаимосвязанных тенденций развития самой коммуникации. Первая тенденция связана с увеличением объемов информации и использованием компьютера в качестве средства коммуникации. Коммуникация в современном мире может быть охарактеризована как производство чрезмерной смысловой избыточности. Потоки информации образуют сложные, пересекающиеся в пространстве и времени структуры, требующие одновременного включения субъекта в различные коммуникативные сферы. В результате, человек находится как бы на пересечении этих потоков, пытаясь "прочитать" сразу по несколько сообщений.

При расширенном воспроизводстве текстов прежние способы их сохранения и распространения перестают удовлетворять потребности общества. Необходимы устройства, позволяющие сохранять большие объемы текстов, обрабатывать и передавать их на большие расстояния. Компьютер, изначально предназначенный для математических вычислений, постепенно внедряется в разные коммуникативные сферы, что создает предпосылки для создания "текстовой машины" – набора аппаратных и программных средств для эффективной работы с текстами. Стремление обеспечить человека инструментом для интеллектуальной работы приводит к созданию текстовых процессоров, экспертных систем и, наконец, гипертекстовых систем.

Вторая тенденция связана с нарушением целостности мировосприятия, возникновением множественных, дополнительных друг другу структур знания. Элементы такого знания взаимодействуют на различных уровнях и образуют "рассеянные", "децентрированные" конфигурации. Множество сообщений не укладывается в жесткие иерархические структуры, а складывается в мозаику. Внутри мозаичных структур могут существовать как неупорядоченные, так и относительно упорядоченные области. Подобные наслоения требуют гибких сетевых структур, таких как гипертекст.

Гипертекст обеспечивает функционирование чрезмерной смысловой избыточности в электронном пространстве. Коммуникация осуществляется в условиях множественного, фрагментарного дискурса, который постоянно

разрастается и осваивает новые форматы (текст перестает быть только текстом, видео и звук являются его неотъемлемыми частями). Компьютер, предназначенный для упорядочения больших потоков информации и обеспечения рациональной коммуникации, став элементом вычислительных сетей (Интернет), теперь лишь усиливает неопределенность и асимметричность коммуникации. Все это наводит на мысль о "постмодернистском" характере современной коммуникации. Гипертекст становится как бы следствием и основным выражением идей постмодернизма. Однако идеи постмодернизма представляют собой некий метафизический конструкт, позволяющий выразить сущность разрыва, сдвига гуманитарных наук. Постмодернистская философия дает возможность осмыслить этот разрыв, ощутить его, но существуя в этом разрыве, человек постмодерна, тем не менее, стремится каким-то образом закрепиться, ухватиться за нечто осязаемое, создать новую, более тонкую категориальную систему. Эпистема современности строится из распадающихся фрагментов Текста культуры, конструируясь по принципу монтажа или коллажа. Тем не менее, познающий субъект стремится воссоздать целостность культуры, придать ей некую, пусть свободную и аморфную, но форму. В условиях хаотичных, распределенных структур существования нелинейный текст, рассредоточенный в пространстве, дает возможность свести множества значений воедино во времени и тем самым обеспечить целостность восприятия. Вероятно поэтому идея гипертекста приобретает такую популярность. Ведь гипертекст позволяет зафиксировать ускользающие значения в виде гибких связей-переходов, избежать строгой последовательности, но, вместе с тем, обозначив "отсутствие", превратить его в "присутствие".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кольцова Е.Ю.* Массовая коммуникация и коммуникативное действие // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
2. *Сепир Э.* Коммуникация // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1993.
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
4. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986.
5. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986.
6. Современная западная теоретическая социология. Реф. сборник. Вып. 1. Ю. Хабермас. М.: ИНИОН, 1992.
7. *Луман Н.* Что такое коммуникация / Пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3.
8. *Филлипов А.Ф.* Социально-философские концепции Никласа Лумана // Социологические исследования. 1983. № 2.
9. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
10. *Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. М.: Канон, 1995.
11. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991.
12. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.

13. *Bush V.* As we may think // Atlantic Monthly. Vol. 176. No 1. 1945. P. 101-108.
14. *Engelbart D.C.* A conceptual framework for the augmentation of man's intellect // Vistas in information handling. Vol. 1. Washington D.C.: Spartan Books, 1963.
15. *Engelbart D., Watson R.* The augmented knowledge: Workshop // Computer Networking / Ed. by R. Blanc, I. Cotton. New York: IEEE Press, 1976.
16. *Nelson T.* Literary machines. Sausalito, CA: Mindful Press, 1993.
17. *Nelson T.* Computer Lib/Dream machines. Sausalito, CA: Mindful Press, 1974.
18. Project Xanadu. <<http://www.sfc.keio.ac.jp/~ted/XU/XuPageKeio.html>>
19. Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века). Сборник / Сост. М.П. Алексеев, В.В. Захаров, Б.Б. Томашевский. М.: Прогресс, 1981.
20. *Conklin J.* Hypertext: an introduction and survey // Computer. 1987. Vol. 20. No 9.
21. *Крол Э.* Все об Интернет. Киев: Торгово-издательское бюро BHV, 1995.
22. *Субботин М.М.* О логико-смысловом моделировании содержания управленческих решений // Научное управление обществом. Вып. 13. М.: Мысль, 1980.
23. *Субботин М.М.* Использование ЭВМ при построении содержательных рассуждений // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. № 11.
24. *Субботин М.М.* Новая информационная технология: создание и обработка гипертекста // Научно-техническая информация. Сер. 2.- 1988.- №5.
25. *Субботин М.М.* Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 36-45.
26. *Gilyarevski R.S., Subbotin M.M.* Russian experience in hypertext: automatic compiling of coherent texts // Journal of the American society for information science. 1993. № 4. P. 185-193.
27. *Лакаев А.С., Субботин М.М., Сарычев В.М.* Новый класс интеллектуальных технологий – структурные аналитические технологии <<http://www.hintech.ru/articlesr.htm>>
28. The New Encyclopedia Britannica. 15-th edition, Chicago, 1994.
29. The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 3. England, Pergamon Press, 1994.
30. *Першиков В.И., Савинков В.М.* Толковый словарь по информатике. М.: Финансы и статистика, 1995.
31. *Субботин М.М.* Итоги науки и техники. Сер. Информатика. Т. 18. М.: ВИНТИ,
32. *Овчинников В.Г.* Автоматизированные ГТС: назначение, архитектура и перспективы развития // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1990. № 12.
33. *Эпштейн В.Л.* Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. <<http://www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm>>
34. Как мы пишем: [Очерки технологии лит. мастерства]. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. [1930].
35. *Набоков Вл.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 1997.
36. *Ярошевский М.Г.* Психология творчества и творчество в психологии. // Вопросы психологии. 1985. № 6.
37. *Bolter J.D.* The idea of literature in the electronic medium // Topic. 1985. No 36.
38. *Harnad S.* Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge // The Public-Access Computer Systems Review. 1991. Vol. 2. No 1.
39. *Joyce M.* Storyspace as a hypertext system for writers and reader of varying ability // Proceedings of Hypertext'91.
40. Теория метафоры: Сборник. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
41. *Bolter J.D.* Writing space: The computer, hypertext and the history of writing. Lawrence Erlbaum Associates, New Jersey: Hillsdale, 1991.

42. *Landow G.P.* Hypertext: the convergence of contemporary critical theory and technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.
43. *Harbold T.* Conclusions // *Hyper/text/theory* / Ed. by G. Landow. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.
44. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
45. *Барт Р.* S/Z. М.: Ad Marginem, 1993.
46. *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994.
47. *Derrida J.* Of grammatology. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
48. *Вайнштейн О.Б.* Homo deconstructivus: философские игры постмодернизма // Апокриф. 1993. № 2.